

ПАНЧЕНКО Павел Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН, член РАЮН,
член Российской криминологической ассоциации,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
факультета права Нижегородского филиала
Государственного университета – Высшая школа экономики,
E-mail: panvest@mail.ru; сот. тел.: 8-910-108-01-70

СВОБОДА ОТ ЭКСПЛУАТАЦИИ –
НАУЧНОЙ, УЧЕБНОЙ, ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ:
ПРОБЛЕМА ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье показывается важность научного оснащения общества, обеспечения людей знаниями о самих себе и окружающем мире, обучения и воспитания их, привития им чувств единения и благородства, правды и справедливости, этики и эстетики, общих для всех людей начал жизни, в том числе декларируемых в рамках религиозного просвещения. Исследуются, вместе с тем, случаи, когда научная, учебная, воспитательная или религиозная деятельность сопровождается доведением человека до подневольного состояния, означающего его эксплуатацию. Рассматриваются вопросы противодействия посягательствам на свободу от соответствующих видов эксплуатации, в том числе с использованием уголовно-правовых средств.

Ключевые слова: научное оснащение, общество, знания, окружающий мир, обучение, воспитание, единение, благородство, правда, справедливость, этика, эстетика, религиозное просвещение, подневольное состояние, эксплуатация, уголовно-правовые средства.

Научное оснащение общества, обеспечение людей знаниями о самих себе и окружающем мире, о тайнах мироздания, обучение и воспитание их, привитие им чувств единения и благородства, правды и справедливости, этики и эстетики, общих для всех людей начал жизни, в том числе декларируемых в

рамках религиозного просвещения, есть, пожалуй, то главное, благодаря чему человек состоялся именно как человек и в этом своем качестве последовательно продолжает осуществлять свою великую историческую миссию на Планете, во всей Вселенной и во всем Космосе – быть и оставаться на все времена самой великолепной, самой прекрасной и самой неотъемлемой составной частью всего сущего, должного и всего того, о чем мы пока еще не знаем и, может быть, даже о чем не догадываемся, но что обязательно по праву превосходства придет на смену всему, что мы видим вокруг сегодня, и что хотели бы видеть уже завтра, а в крайнем случае – хотя несколько позднее, но уже совсем в недалеком будущем.

Совершенно очевидно, что и наука, и обучение, и воспитание, и культ (религия) должны быть именно в том виде, в котором все это, *во-первых*, приносит нам максимальную пользу, а *во-вторых*, не приносит ни капли вреда. Если же научная, учебная, воспитательная или культовая (религиозная) деятельность сопровождается доведением человека до подневольного состояния, то есть до его эксплуатации, то возникает очевидная необходимость в освобождении от нее, в том числе в освобождении, которое должно быть осуществлено с использованием средств уголовного права.

Теоретическому осмыслению данной проблематики и посвящена настоящая статья.

1. Научная эксплуатация выражается в том, что ученый получает сегодня довольно часто весьма низкую зарплату, которая, к тому же, постепенно, год от года снижается. Например, зарплата сотрудника милиции увеличивается с 1 января 1911 года (в связи с переименованием милиции в полицию в разы), а зарплата ученого, похоже, будет продолжать и дальше снижаться. Делаемые при объяснении сложившейся негативной тенденции ссылки на «кризис» и связанные с ним финансовые трудности обычно сопровождаются угрозами – типа той, что кто ставит зарплату выше интересов науки, тому... «скатертью дорога...».

И для того, чтобы хоть как-то прокормить себя и свою семью, ученый вынужден порой трудиться на нескольких работах, писать толстосумам разного рода разработки, обзоры, анализы, обобщения, формулировать советы, составлять предложения, рекомендации. А иногда ему приходится подрабатывать и в качестве дворника, грузчика, охранника, таксиста, открывать ворота предприятия для въезжающих и выезжающих машин, торговать на базарах овощами, фруктами, тапочками, презервативами, зарабатывать на донорстве крови, спермы, тканей, органов. Женщины же с кандидатскими и докторскими учеными степенями, с доцентскими и профессорскими учеными званиями для поправки своего материального положения подчас вынуждены заниматься проституцией, причем в самом буквальном смысле этого неблагодарного и порицаемого обществом ремесла.

И здесь само собой напрашивается вывод о целесообразности преобразования состава воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) в состав *воспрепятствования законной профессиональной деятельности* (то есть любой такой деятельности, а не только – журналистов, в том числе, разумеется, и ученых). В конце концов, все профессии важны и нужны.

Необходимо покончить с потогонной системой выжимания из ученого научных результатов, с максимально жесткой регламентацией его творческого труда, с отвлечением его от непосредственной дела для участия в разного рода «заседаниях», «совещаниях», «летучках», «оперативках», «комиссиях», «совещаниях» и т.д., на которых довольно часто рассматриваются вопросы, не имеющие прямого отношения к делу, которому ученый посвящает себя, свою жизнь, судьбу. Ученому, как никому другому, претит «протирать штаны» в пустых «посиделках».

Система надбавок к зарплате ученого за публикации, другие научные результаты заставляет его «крутиться» в своем деле подобно белке в колесе, работать и в выходные, и в праздничные дни, и в дни отпусков. То есть, как говорится, на износ – только бы, как говорится, «не отстать», успеть «дать

вал», обеспечив тем самым себе получение такой зарплаты, которая позволяла бы ему как-то какое-то время сводить концы с концами, продержаться, не пасть духом. Однако даже самая высокая творческая активность ученого далеко не всегда позволяет ему и его семье жить по-человечески. Приходится «залазить» в долги, которым нередко и без того не видно ни конца, ни края.

Для балансирования ситуации предлагается соответствующие надбавки за успехи в научной работе назначать ученому не на год-два, как это чаще всего практикуется сейчас, а на три-пять или, может быть, даже 7-10 лет. Естественно, это не будет означать, что ученый напряженно будет работать в течение только одного отчетного периода, а затем, в течение ряда последующих лет будет, образно говоря, стричь купоны с былых своих достижений – в виде разного рода надбавок. Если достаточно плодотворная научная работа ведется в течение отчетного периода, то, она, разумеется, будет продолжаться и в дальнейшем. Вексель доверия ученому крайне необходим. В таком случае ученый не будет постоянно гнаться за «показателями», а будет работать в стабильном режиме, то есть в том режиме, который обеспечивает *постоянное* достаточно высокое качество выдаваемых научных результатов. При этом не будет преждевременного износа творческого потенциала ученого, провоцирующего срывы, стрессы, сходы до срока с дистанции и т.д.

С другой стороны, замечено, что в погоне за «показателями» ученые порой выдают «на гора» не настоящую науку, а псевдонауку, лишь какое-то подобие научных результатов, ее суррогат, одну ее видимость¹. Происходит засорение научного пространства каким-то наукообразным мусором – причем засорение настолько большое, что горы этого мусора делают уже практически невозможным доступ потребителя к подлинным научным ценностям, созданным настоящими учеными.

Вызывает большие сомнения такой критерий оценки творческого потенциала ученого, как «рейтинг цитируемости». Ведь работы могут цитиро-

¹ См., например: Медведев Ю. Фальшивый индекс. Погоня за научным валом искажает суть работы ученого // Российская газета. 2010. 9 июня. С. 14.

ваться не только в смысле их положительного содержания, но и в смысле их слабости, низкого уровня проработки вопросов и проблем, отсутствия убедительных результатов, их теоретической и практической значимости.

Признается особо важной публикация материалов в так называемых «солидных» изданиях, но, как показывает жизнь, порой и в них печатается продукция далеко не высшего качества.

В некоторых вузах строгие эксперты ежегодно оценивают «науку» каждого преподавателя в баллах, что представляется, конечно же, правильным. При этом все публикации каждого ученого проверяются, изучаются, копируются, отыскиваются в электронных ресурсах, аккумулируются, оцениваются, документируются, но в итоге получается так, что надбавка за «науку» назначается претендентам, набравшим не менее, скажем, полутора десятков баллов, *в одинаковом размере* (несколько тысяч рублей) – независимо от того, ученым набрано 15 или 115 баллов, опубликовано 5 или 45 работ, общим объемом в один-два или в несколько десятков печатных листов, труды изданы в действительно авторитетных изданиях или в каких-то малотиражных сборниках сообщений, сделанных на студенческих конференциях, статьи ли это, тезисы сообщений или учебные пособия и монографии. Не учитывается ни актуальность и сложность тематики проводимых ученым исследований, ни активная работа над ней в течение многих лет, ни весомость формулируемых выводов, положений, предложений, рекомендаций. В итоге получается – все та же советская уравниловка. Как говорится, за что боролись – на то и напоролись. И полный «капут» всякому здравому смыслу.

Стало модным выделять ученых, которые публикуют свои статьи за рубежом. Но достаточно спросить любого старшеклассника, чтобы понять, что было бы лучше для реализации президентской стратегии модернизации России – если бы, допустим, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов публиковал свои выдающиеся достижения у нас в России или же если бы делал это он где-то вне пределов нашей страны. Любой мало-мало мыслящий человек скажет, что, конечно же, было бы лучше, если бы наши ученые публиковали ре-

зультаты своих научных исследований, прежде всего, у нас, в России. Тем более, что сегодня мы не знаем по существу ни одной зарубежной публикации какого бы то ни было российского ученого, которая оказалась бы более предпочтительной для положительных преобразований в нашей стране, чем публикации наших специалистов в научных изданиях собственной страны.

Материальное стимулирование публикаций за рубежом – палка о двух концах еще и по другим причинам. Например, нельзя не учитывать того, что некоторые наши исследователи, в погоне за «славой» и деньгами, публикуют за рубежом не нечто действительно стоящее, необычное, оригинальное, и даже не действительные плоды своей научной мысли, а просто заурядную информацию о том, *что* сделано у нас в стране другими специалистами. Нередки и случаи огульного попираательства всего того, что делается у нас. А иногда дело доходит даже до огласки конфиденциальной научной информации, что чревато уже *серьезным* ущербом нашим национальным интересам. Полагаем, что здесь тоже есть определенная «информация к размышлению».

Необходимо обратить внимание еще и на такую деталь. Система надбавок «за науку», в особенности предоставляемых «молодым ученым» («ярким талантам», «будущим профессорам» и т.д.), порой превращается в наших вузах в обычное средство поощрения за «преданность двору». Науки как таковой нет, а есть лишь одна надежда на то, что таковая когда-нибудь будет. Люди годами ничего путного не публикуют, а надбавки «идут», достигая порой суммы в 20 тысяч рублей ежемесячно. Заведующие кафедрами, деканы, руководители вузов только разводят руками – непонятно, почему «таланты» при таких надбавках не желают работать. А ничего непонятного здесь нет. Как показывает все та же жизнь, «жирные коты» от науки мышей не ловят. Выждав срок, на который назначена многотысячная надбавка, они, как правило, вообще выбывают из научной среды.

Таким образом, всему порочному в науке тоже должен быть поставлен надежный правовой заслон, в том числе, как представляется, путем дополне-

ния УК РФ статьей 144.2 – с названием: «Нарушение правил организации научной деятельности».

2. *Учебная эксплуатация* выражается в жестком «прессинге», осуществляемом в отношении обучаемых – «отработка долгов», организация дополнительных занятий, конспектирование первоисточников, требование зубрить тексты, формулы, нормы, стандарты и т.д.

Задания преподавателя студентам – часто безмерны: десятки статей и книг, учебники, учебные пособия, масса других «крайне необходимых» материалов. Бюджет времени обучаемого – весьма ограничен. Он никак не вмещает всего того, что требует от студента преподаватель. Экзамены иногда превращаются в вопросы типа «скажи мне то, не знаю что». В результате подрывается физическое и психическое здоровье студентов, снижаются их успехи в учебе, возникают напряженные отношения с родителями, у молодых людей появляются различные затруднения. Налицо и недостатки, связанные с коммерциализацией обучения².

Поэтому и *здесь*, в сфере учебной деятельности, тоже, на наш взгляд, не обойтись без соответствующего дополнения УК РФ – в частности, статьей об ответственности за нарушение прав обучаемых в учебных заведениях.

3. *Воспитательная эксплуатация* выражается в притеснении детей, не оказании им необходимой помощи и поддержки со стороны чиновников, да и нередко со стороны самих родителей, которые подчас рассматривают собственных детей в качестве не цели, а средства.

Каждый год в стране примерно 5 тысяч детей заболевают раком крови и другими опасными заболеваниями, требующими дорогостоящих лекарств, но чиновники, как правило, не принимают какого-либо участия в судьбе детей, обрекая их обычно практически на мученическую и мучительную смерть.

Из 28 миллионов наших детей ежегодно 120 тысяч лишаются попечения родителей, еще 600 тысяч находятся в казенных учреждениях, 40 % из них

² См., например: Бунимович Е. Классовое неравенство. Коммерциализация среднего образования – путь опасный и беспрецедентный // Московский комсомолец. 2010. 8 июня. С. 3.

впоследствии становятся алкоголиками и наркоманами, еще 40 % – преступниками, 10 % – кончают жизнь самоубийством, и лишь каждый десятый как-то приспособляется к условиям открытого пространства. Ежегодно более трех тысяч детей гибнет от рук преступников, 172 000 – калечатся³, десятки тысяч – пропадают без вести⁴. Встречаются факты убийства младенцев с целью использования их стволовых клеток⁵.

Таким образом, вместо воспитания детей довольно часто имеет место грубое насилие над ними, в том числе заканчивающееся смертельным исходом. В одних Соединенных Штатах Америке только в последние годы убито уже 13 российских детей – лицами, которые ранее их усыновили. В нашей собственной стране родители порой так «воспитывают» детей, что те просто умирают или оканчивают жизнь самоубийством. Все дело в том, что в связи с трудными условиями жизни российские семьи в подавляющем большинстве случаев не желают обзаводиться детьми, о чем может свидетельствовать то обстоятельство, что в России в настоящее время больше производится абортов, чем рождается детей (на 20 %) ⁶. А если дети все же появляются, то отношение к ним со стороны родителей часто бывает крайне отрицательным. Так называемый «материнский капитал», призванный стимулировать рождаемость, если и «срабатывает», то только односторонне: деньги – нужны, а дети – нет. Они – лишь средством для получения денег. Сами они как были нежелательными (еще до их рождения), так и останутся таковыми в дальнейшем. В результате страну ожидает поколение «отвергнутых и брошенных», то есть людей, которые, конечно же, не только не спасут страну от пропасти, но еще больше подтолкнут ее туда.

³ Шахов Л. Долги наши // Жизнь. 2010. № 22. 2-8 июня. С. 6.

⁴ Только в одной Ростовской области с января по август (включительно) 2010 года исчезли 571 человек, которым не исполнилось 18 лет – 270 мальчиков и 301 девочка (см.: Ионова Л. Основной инстинкт – «до востребования». Каждые сутки в Ростовской области пропадает один или два ребенка // Российская правда. 2010. 29 сентября. С. 11). На начало 2010 года по стране оставалась неизвестной судьба почти трех тысяч несовершеннолетних (См.: Шаров А. Убитое детство. За год жертвами насилия в стране становятся более 100 тысяч детей // Российская газета. 2010. 9 сентября. С. 2).

⁵ Велигжанова А. Младенцы, над которыми проводили эксперименты, исчезли. Стволовые клетки становятся новым криминальным товаром // Комсомольская правда. 2010. 3-10 июня. С. 9.

⁶ См.: Осипов С. Судьба красного эроса // Аргументы и факты. 2010. № 42. С. 51.

Определенный минимум принуждения в воспитании детей, конечно же, не только возможен, но и в принципе допустим. И даже, может быть, необходим. Однако данное обстоятельство не дает оснований для того, чтобы воспитание шло так, как оно осмеяно в свое время Аркадием Райкиным, когда «Сидоров старший драл Сидорова младшего как сидорову козу». То есть в принуждении, известный элемент которого обязателен для воспитания, непозволительно переступать ту черту, за которой у ребенка возникают отрицательные эмоции. Даже если физическое здоровье ребенка при этом заметно не страдает, довольно часто страдает его психическое здоровье.

Между тем, насилие в отношении детей становится ныне, пожалуй, наиболее распространенной и даже едва ли не единственной формой «воспитания». Ведь тем самым значительно облегчается положение «воспитателя» – заставил ребенка вести себя так, как надо, и все дела решены. Но такого «воспитания» хватает обычно ненадолго. Насколько легко и быстро ребенок входит под влиянием принуждения в «колею», настолько же легко и быстро он из нее и выходит – как только принуждение заканчивается. Необходимость в принуждении становится постоянной, а сил и времени на него не хватает. Возникающие на этой почве в семье конфликты провоцируют разводы, в результате которых супруг, как правило, уходит к другой женщине, оставляя частую ребенка без материальной поддержки⁷. А мать ребенка, естественно, находит себе другого мужчину, который обычно с удвоенной энергией берется за то же самое насилие – хотя и «отвратительное», но представляющееся все же достаточно «испытанным» средством воспитания⁸. Если же ребенок посещает детский сад или школу, то к родительскому насилию нередко присоединяется еще и насилие (физическое и/или психическое) со стороны соответственно воспитателей (няней) и учителей⁹.

⁷ См.: Новоселова Е. 500 %. На столько в этом году выросло количество россиян, которые не платят алименты своим детям // Российская газета. 2010. 13 сентября. С. 9.

⁸ См., например: Павлова В. Ожог души. Отчим пытал своего 3-летнего пасынка, поливая его кипятком // Жизнь. 2010. № 38 (22-28 сентября). С. 22.

⁹ См., например: Столярчук Н. Пришел серенький волчок. Чтобы малыши не шумели, воспитатель заклеивала им рты скотчем // Российская газета. 2010. 12 октября. С. 9.

Подобное становится возможным, наряду с другими факторами, еще и потому, что в настоящее время в дошкольных учреждениях и, в особенности, в школах наблюдается дефицит профессионально подготовленных педагогов. А тем более таких педагогов, которые, кроме хорошей профессиональной подготовки, обладали бы еще и другими необходимыми для данной профессии положительными качествами – например, такими, как доброта, терпение, внимание, самоуважение, культура, дисциплинированность, честность, порядочность, хорошая репутация и т.д. По данной причине в эти учреждения все еще правдами и неправдами «просачиваются» малограмотные в профессиональном отношении люди, страдающие к тому же примитивным мышлением, грубыми манерами, отсутствием необходимой культуры, низкими морально-нравственными качествами и даже различными психическими отклонениями, включая педофилические наклонности¹⁰.

И что самое интересное, так это то, что официальная власть, в том числе судебная, становится в конфликтных ситуациях нередко на сторону тех «педагогов», которым незнакомы какие-либо другие «воспитательные» методы, кроме издевательств над детьми. Так, в школе № 6 г. Владивостока была восстановлена судом на работе в школе уволенная за оскорбление учеников учительница математики – некая Грудина Елена Викторовна. По решению Приморского краевого суда в пользу по существу преступницы (оскорбление в соответствии со ст. 130 УК РФ является преступлением) взыскано 238 847 рублей 52 копейки зарплаты, не полученной ею в связи с «вынужденным прогулом». Как установлено, оскорбления состояли в том, что учительница не только обзывала учеников «дураками», «дебилами», «тупыми», «на голову припаренными», «поросычьими мордами» и т.п., но и комментировала происходящее в классе с использованием словосочетаний типа «твою мать...», «хватит чесать свои яйца...», «девочки любят многочлены, поэтому, мальчики, проверьте, как там у вас в штанах...», «мелешь своим поганым языком, дерь-

¹⁰ См.: Педофилическая поэма. История любителя 14-летних показывает: у сладострастников по-прежнему есть лазейки для работы в школе (редакционный материал) // Московский комсомолец. 2010. 26 октября. С. 3.

мо...» и т.п. На жалобы родителей Грудина им обычно отвечала: «Сами дебилы и детей-дебилов нарожали...»; «Иначе нельзя...»; «На голову сядут...» и т.п. Еще до появления в школе после восстановления на работе учительница требовала при встрече с учениками на улице, чтобы те перед нею извинились. Это выдвигалось в качестве условия возвращения ее в школу¹¹. Восстанавливая учительницу-преступницу на работе, суд, таким образом, юридически признал ее правоту в применении по отношению к детям преступных методов «воспитания». Если раньше было принято считать, что «тюрьмы не лечат, а калечат», то сейчас нечто подобное, наверное, можно будет говорить уже и в отношении школы – например, типа того, что «школы не учат, а мучат».

Феномен Грудиной возник, конечно же, на почве безответственности учителей. Однако практически во всех других странах, исключая, может быть, самые отсталые, в том числе некоторые из тех, которые образованы на постсоветском пространстве после распада бывшего СССР, наказания учителей за оскорбление учеников – «вещь», само собой разумеющаяся. Наказание, применяемое за оскорбление учителем ученика – обычно там даже более строгое, чем наказание, применяемое за оскорбление, допущенное в других сферах межличностных взаимоотношений¹².

Применяемое в отношении детей психическое и/или физическое насилие, как показывает жизнь, довольно часто «аукается» в будущем, когда ребенок, подрастая, начинает вымещать причиненное ему зло на других людях, в том числе на тех же педагогах, родителях, которые в детстве его «терзали и мучили». Или, по крайней мере, не «вложили» в него того минимума воспитания, которое было бы достаточным для нормальной жизни человека. Так, страну буквально потрясла показанная в конце октября 2010 года почти по всем телевизионным каналам видеозапись избиения в одной из школ Санкт-

¹¹ См.: Островская Н. Учитель обзывает учеников дебилами? Это не повод уволить ее из школы // Комсомольская правда. 201-. 26 октября. С. 24, 25.

¹² См.: Гасюк А. Избил ребенка – за решетку. За что в других странах могут посадить в тюрьму родителей // Российская газета. 2010. 6 сентября. С. 10.

Петербурга 24-летней учительницы начальных классов 28-летним отчимом школьницы, которая при случайном падении прикусила себе язык.

При этом порой немало достается от взрослеющих детей и их близким родственникам, в том числе родителям, дедушка, бабушкам. Дело доходит здесь тоже до физического насилия, как это произошло, например, 5 октября 2010 года в Москве, когда 15-летняя школьница Татьяна Черкасова тщательно спланировала и заказала двум своим «друзьям» убийство своей 35-летней матери, работавшей медсестрой в знаменитой Филатовской больнице. Лежащий на поверхности мотив – стремление «освободить» квартиру от матери. С тем, чтобы поселиться в ней со своим «бойфрендом» – кстати, главным исполнителем преступления. Глубинный же мотив, как это вытекает из материалов прессы – месть за поруганное детство. Преступление было совершено «другом» заказчицы ударом ножа в горло потерпевшей. Юная белокурая красавица с ангельской внешностью, как писала «по горячим следам» этого преступления газета «Жизнь», не испытывала по этому поводу ни капли чувства раскаяния¹³. Как говорится, что посеешь – то и пожнешь.

В другом описанном в прессе случае 18-летний сын-ваххабит, поддавшись влиянию боевиков, заказал за 100 тысяч рублей убийство собственного отца – высокопоставленного сотрудника МВД Дагестана, и принял непосредственное участие в этом преступлении. Здесь в содеянном проявились еще и иные мотивы, в том числе связанные с влиянием религиозных и экстремистских взглядов. Кстати, на очереди было и убийство молодым ваххабитом собственного брата. Придерживаясь подобных взглядов, отцеубийца, как он сам показал на следствии, не мог в глазах своих сподвижников спокойно переносить то, что отец работал в милиции – как и то, что брат собирался устроиться на работу в прокуратуру. Данный случай показывает, что под влияние террористов попадают подростки и молодые люди не только из малообеспеченных слоев Северо-Кавказского региона, когда главным фактором «ухода в террор»

¹³ См.: Яровикова Е. Дочерная подлость. 15-летняя дочь заказала убийство мамы – расправившись с матерью, она хотела поселиться в квартире со своим любовником // Жизнь. 2010. 19 октября. С. 6.

служит материальный стимул, но и дети вполне обеспеченных и уважаемых родителей¹⁴.

Но даже если воспитательные средства не содержат в себе элементов *чрезмерного* принуждения, то все равно допущенный хотя бы небольшой «перебор» в их использовании может впоследствии дать отрицательный эффект. В народе не случайно говорят, что «учить ученого – только портить». Поэтому если постоянно напоминать ребенку о том, что он не сделал того, этого, пятого, десятого, то он, в конце концов, может «сорваться», «взорваться», что-то «отмочить», «отколоть», «свалить дурака»... Одним словом, «наделать глупостей». И это может произойти не сегодня, не завтра, а когда ребенок вырастет, когда станет, может быть, даже взрослым человеком. Комплекс неполноценности может закрепиться за ним при определенных обстоятельствах даже на всю жизнь. И никому неизвестно, чем, в конце концов, все это кончится. Поэтому право, включая его уголовно-правовую составляющую, должно противопоставить подобному явлению адекватные меры противодействия.

Что конкретно можно и нужно противопоставить так называемой воспитательной эксплуатации? Нужна, прежде всего, статья в УК РФ, которая обозначила бы рассматриваемое зло и стала бы своеобразным ядром той правовой базы, на которой можно было бы достаточно эффективно защищать наше подрастающее поколение от разного рода посягательств на их жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство, физическую, психическую и морально-нравственную неприкосновенность.

4. Религиозная эксплуатация состоит в наблюдаемом подчас массовом насаждении религиозных чувств гражданам, в том числе посредством газет, журналов, радио, телевидения, вследствие чего служители культа все чаще по существу вымогают у людей средства на всякого рода «божественные нужды». Крестины, причащения, отпевания, другие обряды практически повсеместно совершаются у нас теперь на коммерческой основе.

¹⁴ См.: Алиев Т. Ритуальная услуга. В Дагестане ваххабит, сын сотрудника МВД, организовал убийство отца // Российская газета. 2010. 1 сентября. С. 6.

Везде строятся новые церкви (большей частью деревянные), которые порой не только не украшают, но и, напротив, в какой-то мере даже портят природные ландшафты, сложившиеся архитектурные комплексы. А кроме того, создают иногда и пожароопасную ситуацию, особо остро ощущавшуюся, например, жарким летом 2010 года, когда по всей центральной России бушевали лесные пожары, сметавшие все на своем пути, включая поселки, села, деревни и унесшие более пятидесяти человеческих жизней.

Как свидетельствует пресса, в некоторых монастырях монахи порой заставляют воспитанников отбивать по 500 поклонов А иногда и практикуют применение к ним ремня¹⁵. Подобная, с позволения сказать, «практика» не только неуместна богу, но и противна светским законам, в том числе закону уголовному, в соответствии с которым такого рода издевательства должны строго наказываться, включая издевательства, совершаемые в форме истязаний (ст. 117 УК РФ) и неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ).

Для противодействия религиозной эксплуатации предлагается дополнить УК РФ статьей об ответственности священнослужителей за корыстное нарушение требований своей миссионерской деятельности.

¹⁵ См.: Гришин А. Из дела девочек-беглянок из Свято-Боголюбского монастыря: «Удары ремнем воспитатель считал вслух» // Комсомольская правда. 2010. 26 октября. С. 7.